

туар и что на церковь оно было перенесено непосредственно оттуда. В Ахтамаре тоже апотропические сюжеты (животные, чудовища, сирены, воины-всадники и ветхозаветные сцены разных «спасений») занимают большое место, и в этом отношении этот памятник верен общей традиции скульптур, вставленных в фасады. Но Ахтамар отличается от других примеров в Венеции и России тем, что к рельефам-апотропеям присоединяются довольно малочисленные повествовательные сцены, заимствованные из Библии. Эта оригинальная черта Ахтамара, по-видимому, успеха не имела, и в восточнохристианских искусствах к ней больше не возвращались (кроме одного случая в соседнем Трапезунде).

Не менее оригинальное, но совсем иное и независимое от Ахтамара и грузинских фасадов решение скульптурной декорации фасадов церквей было предложено во второй половине XII—начале XIII в. в церквях Владимиро-Суздальской земли. Сохранившиеся памятники позволяют наблюдать развитие этой темы в пределах Владимиро-Суздальской земли, начиная от примеров простых и близких к киевским фасадам и кончая настоящими коврами из отдельных мелких рельефов, занимающих всю поверхность стены (ее верхней половины). Последовательные этапы этой эволюции отмечены четырьмя замечательными памятниками: Успенский собор во Владимире (1158—1161 гг.), церковь Покрова на Нерли (1165 г.), церковь Дмитрия во Владимире (1193—1197 гг.) и церковь в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.).

Здесь не место рассматривать скульптуру владимиросуздальских храмов в ее совокупности и во всех отношениях, хотя было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь взял на себя эту задачу и привел наше знание этих рельефов в соответствие с современным уровнем археологии и истории искусств. Мы же ограничимся тем, что в скульптуре Владимиро-Суздальской земли свидетельствует о светском искусстве домонгольской России.

Напомним, что эти рельефы на век или два позже киевских памятников и что мы, таким образом, имеем дело с произведениями искусства, современными «Слову». В XII в. политическое раздробление Руси на удельные княжества было в полном разгаре, и этому соответствуют ростки местных искусств в различных областях; они дают начало областным школам, очаги которых и их основные произведения находятся в городах, ставших столицами отдельных княжеств.

Местные власти прямо или косвенно содействовали этому «регионализму», и особенно там — как в Чернигове, Смоленске, Новгороде или во Владимиро-Суздальской земле, — где эти власти брали на себя многочисленные постройки и уделяли искусству большое внимание и большие средства. Местные вкусы утверждались тогда сильнее и удерживались дольше. В большинстве случаев, и главным образом во Владимиро-Суздальской земле, роль правящих князей и их окружения была, по-видимому, особенно активной, как о том свидетельствуют летописи, равно как и памятники, своеобразие которых — по отношению к современным памятникам в других областях России — особенно очевидно. Не менее очевидна и тесная связь художественной деятельности во Владимиро-Суздальской земле с княжеским дворцом. Наиболее замечательные храмы стоят или стояли рядом с княжескими палатами (в Боголюбове дворец и церковь связаны между собой и образуют архитектурный комплекс), и на фасадах церквей преобладают рельефы светского характера. Та же связь с дворцом нами была уже отмечена в Киеве. Владимиро-суздальские памятники продолжают и развивают киевские традиции.

Чтобы убедиться в этой преемственности, которая находится в соответствии со всем, что мы знаем о русской культуре XII в., отметим прежде